

Эрих Мария
РЕМАРК

**Время жить
и время умирать**

Издательство АСТ
Москва

1

В России смерть пахла не так, как в Африке. В Африке, под мощным огнем англичан, трупы тоже нередко подолгу лежали непогребенные между позициями, но солнце работало быстро. Ночью вместе с ветром долетал запах, сладковатый, душный, тяжелый, — мертвецы, вспученные газом, призрачно поднимались в свете чужих звезд, словно вновь сражались, молча, без надежды, каждый в одиночку, но уже на следующий день начинали съезживаться, припадать к земле, бесконечно усталые, как бы стремясь зарыться в нее; когда же позднее удавалось их вынести, иные были уже легкими и ссохшимися, а от тех, кого случайно находили недели спустя, оставались едва ли не одни скелеты, гремевшие в неожиданно чересчур просторных мундирах. Там смерть была сухая, в песке, на солнце и ветру. В России же — грязная, зловонная.

Уже много дней кряду лил дождь. Снег таял. Месяцем раньше сугробы были куда выше — метра на два с лишним. Разрушенная деревня, которая поначалу состояла будто из одних только обугленных крыш, ночь за ночью беззвучно вырастала из оседающего снега. Выползли на свет оконные наличники, еще несколько ночей спустя — дверные рамы, потом ступеньки, ведущие в гнилую бе-

лизну. Снег таял и таял, и мало-помалу появлялись мертвецы.

Давние мертвецы. Деревня несколько раз переходила из рук в руки — в ноябре, в декабре, в январе и теперь, в апреле. Ее занимали и оставляли, оставляли и занимали снова, налетавшие метели заносили трупы снегом, за несколько часов нередко наметало такие сугробы, что многих санитары уже не могли отыскать, а затем едва ли не каждый день набрасывал на разорение новый слой белизны, как медсестра набрасывает простыню на окровавленную постель.

Сперва появились январские мертвецы. Они лежали поверх остальных и обнаружались в начале апреля, вскоре после того, как снег начал оплывать. Их тела замерзли в камень, а лица были серые, восковые.

Хоронили их, как доски. На бугре за деревней, где снег был не очень глубокий, его раскидали и кирками долбили могилы в заледенелой земле. Утомительная работа.

Возле декабрьских мертвецов находили оружие, принадлежавшее январским. Винтовки и ручные гранаты погружались глубже, чем тела, иногда попадались и каски. У этих трупов было легче срезать из-под френчей личные знаки — талая вода успела размягчить ткань. Эта вода стояла в открытых ртах, словно мертвецы утонули. У некоторых частично оттаяли и тела. Когда их уносили, тело еще оставалось окоченевшим, но рука уже свисала с носилок и покачивалась, будто он размахивал ею, до ужаса равнодушно и почти непристойно. У всех, когда они лежали на солнце, сперва оттаивали глаза. Теряли стеклянный блеск, делались студенистыми. Лед в них таял и медленно вытекал, словно слезы.

Внезапно на несколько дней опять сильно подморозило. Снег покрылся ледяной коркой наста. Перестал оседать. Но потом снова задул неприятный, сырой ветер.

Сначала в блеклой белизне завиднелось серое пятно. Часом позже это была рука, судорожно тянувшаяся вверх.

— Еще один, — сказал Зауэр.

— Где? — спросил Иммерман.

— Вон там, у церкви. Попробуем откопать?

— Зачем? Ветер сам его откопает. Снег там пока что глубокий, не меньше одного-двух метров. Чертова деревня лежит в низине. Или тебе позарез надо зачерпнуть сапогами лишнюю порцию ледяной воды?

— Да нет, конечно. — Зауэр глянул в сторону кухни. — Не знаешь, что нынче дадут пожрать?

— Капусту. Капусту со свиной, картошкой и водой. Насчет свиной промашка.

— Капуста! Понятно! Третий раз на этой неделе. — Зауэр расстегнул брюки и начал мочиться. — Год назад получалось классно, — горько пояснил он. — Лихо, по-военному, чин чинарем. Самочувствие отличное. Жратва первый сорт! Наступление, каждый день продвигались на столько-то километров! Я думал, скоро вернусь домой. А теперь мочусь как штатский, уныло и без удовольствия.

Иммерман сунул руку под френч, стал не спеша почесываться.

— А по мне, без разницы, как мочиться, лишь бы опять на гражданку.

— По мне тоже. Но, по всему видать, мы навек останемся в солдатах.

— Ясное дело. Герои, пока не сдохнем. Только СС пока лихо мочится.

Зауэр застегнул брюки.

— Еще бы. Мы делаем грязную работу, а эта братва загребает почести. Мы две-три недели деремся за какой-нибудь паршивый город, а в последний день заявляется СС и победоносно вступает туда впереди нас. Ты глянь, как о них пекутся! Всегда самые теплые шинели, самые лучшие сапоги и самый большой кусок мяса!

Иммерман ухмыльнулся:

— Теперь и СС города не занимает. Отходит. Как и мы.

— Не как мы. Мы не сжигаем и не расстреливаем всех и все что ни попадя.

Иммерман перестал чесаться.

— Что с тобой сегодня? — удивленно спросил он. —

Вдруг человеческий тон! Смотри, как бы Штайнбреннер не услышал, не то живо загремишь в штрафную роту. Глянь-ка, снег у церкви просел! Уже и часть плеча видно.

Зауэр посмотрел в ту сторону.

— Если и дальше так будет таять, завтра он повиснет на каком-нибудь кресте. Он там, где надо. Аккурат над кладбищем.

— Это кладбище?

— А как же. Ты чего, не помнишь? Мы ведь тут уже бывали. При последнем наступлении. В конце октября.

Зауэр подхватил свой котелок.

— Вон полевая кухня! Быстрей, не то нам одна жижа достанется.

Рука все росла, росла. Казалось, не снег тает, а она как бы медленно вырастает из земли, словно смутная угроза и оцепенелая мольба о помощи.

Ротный остановился.

— Что это там?

— Какой-то русский, господин лейтенант.

Раэ присмотрелся. Разглядел линиялый рукав.

— Это не русский, — сказал он.

Фельдфебель Мюкке пошевелил пальцами в сапогах. Он терпеть не мог ротного. Конечно, стоял перед ним невытяжку, по уставу, — дисциплина превыше всех личных чувств, — но, чтобы дать выход презрению, незаметно шевелил пальцами в сапогах. Болван, думал он. Брехун!

— Распорядитесь откопать его, — сказал Раэ.

— Слушаюсь.

— Пошлите прямо сейчас несколько человек. Неприглядное зрелище.

Слабак, думал Мюкке. В штаны наклал! Неприглядное зрелище! Будто мы первый раз мертвеца видим!

— Это немецкий солдат, — сказал Раэ.

— Так точно, господин лейтенант. Последние четыре дня мы находили только русских.

— Откопайте его. Тогда и посмотрим, кто он. — Раэ зашагал к своей квартире.

Чванливая обезьяна, подумал Мюкке. У него и печка есть, и теплый дом, и Железный крест на шее. А у меня ЖК-один и то нету. Хоть я и заслужил его точно так же, как этот все свои побрякушки.

— Зауэр! — крикнул он. — Иммерман! Сюда! С лопатами! Кто тут еще? Гребер! Хиршман! Бернинг! Штайнбреннер, вы за старшего! Вон та рука! Откопать и похоронить, если это немец! Бьюсь об заклад, что нет.

Штайнбреннер прогулочным шагом подошел ближе.

— Спорим? — спросил он. Голос у него был высокий, мальчишечий, и он тщетно старался держать его пониже. — А на сколько?

Секунду помедлив, Мюкке ответил:

— На три рубля. На три оккупационных рубля.

— Пять. На меньшее не согласен.

— Ладно, пускай пять. Но только деньги на бочку.

Штайнбреннер рассмеялся. Зубы блеснули в неярком солнце. Ему было девятнадцать, блондин с лицом готического ангела.

— Само собой, деньги на бочку! Как же иначе, Мюкке?

Мюкке недолюбливал Штайнбренера, но боялся его и соблюдал осторожность. Каждый знал, что тот махровый нацист.

— Ладно, ладно. — Мюкке извлек из кармана черешневый портсигар с выжженным на крышке цветочным узором. — Сигарету?

— А то.

— Фюрер не курит, Штайнбреннер, — невозмутимо обронил Иммерман.

— Заткнись.

— Сам заткнись.

— У тебя, похоже, не житуха, а лафа. — Штайнбреннер приподнял длинные ресницы, искоса глянул на него. — Подзабыл уже кое-что, да?

Иммерман рассмеялся:

— Я не очень-то забывчив. И знаю, куда ты клонишь, Макс. Но и ты не забывай, что я сказал. Фюрер не курит. Вот и все. Тут четыре свидетеля. И фюрер правда не курит, это каждый знает.

— Хватит болтать! — прищипнул Мюкке. — Начинайте откапывать. Приказ ротного.

— Ну, тогда за дело! — Штайнбреннер закурил сигарету, которой его угостил Мюкке.

— С каких это пор в наряде курят? — спросил Иммерман.

— Это не наряд, — раздраженно бросил Мюкке. — Кончайте треп и откапывайте русского. Хиршман, вы тоже.

— Там не русский, — сказал Гребер. Он единственный проложил вверх по сугробу несколько досок и начал отгребать снег вокруг руки и груди. Теперь стал отчетливо виден сырой френч.

— Не русский? — Штайнбреннер быстро и уверенно, как танцор, прошел по шатким доскам, присел на корточки рядом с Гребером. — А ведь правда! Обмундирование немецкое. — Он обернулся. — Мюкке! Это не русский! Я выиграл!

Мюкке подошел тяжелой походкой. Уставился в яму, куда с краев медленно стекала вода.

— Не понимаю, — проворчал он. — Без малого неделю одних только русских находили. Должно быть, этот из декабрьских, просто провалился в глубину.

— А может, и из октябрьских, — сказал Гребер. — Здесь тогда наш полк проходил.

— Чепуха. Не может быть, чтоб из тех.

— Может. Здесь у нас был ночной бой. Русские отступали, и мы сразу двинули дальше.

— Так и есть, — кивнул Зауэр.

— Чепуха! Наш обоз наверняка подобрал и похоронил всех убитых. Наверняка!

— А вот я не уверен. В конце октября уже были сильные снегопады. А мы в ту пору еще быстро наступали.

— Второй раз повторяешь. — Штайнбрэннер взглянул на Гребера.

— Можешь и еще разок послушать, если охота. Мы тогда пошли в контрнаступление и продвинулись больше чем на сто километров.

— А теперь отступаем, да?

— Теперь мы опять здесь.

— Стало быть, отступаем... или нет?

Иммерман предостерегающе толкнул Гребера локтем.

— А что, разве наступаем? — спросил Гребер.

— Мы сокращаем свои позиции.

Иммерман насмешливо посмотрел Штайнбрэннеру в лицо:

— Уже целый год. Стратегическая необходимость, чтобы выиграть войну. Это ж всякий знает.

— На руке-то кольцо, — вдруг сказал Хиршман. Он продолжал копать, отрыл другую руку покойника.

Мюкке наклонился к яме.

— Верно. Даже золотое. Обручальное кольцо.

Все тоже стали смотреть.

— Ты поосторожнее, — шепнул Греберу Иммерман. — Иначе этот гад оставит тебя без отпуска. Донесет как на критикана. Только того и ждет.

— Просто нос задирает. Ты лучше сам остерегайся. Он больше за тобой следит, чем за мной.

— Да мне плевать. Я в отпуск не собираюсь.

— Значки нашего полка, — сказал Хиршман. Он продолжал раскапывать снег руками.

— Стало быть, уж точно не русский, а? — Штайнбреннер послал ухмылку нагнувшемуся Мюкке.

— Да, не русский, — с досадой бросил фельдфебель.

— Пять марок! Жаль, на семь не поспорили. Ну, гони монету!

— У меня нет с собой денег.

— А где ж они? В Имперском банке? Давай гони!

Мюкке злобно глянул на Штайнбреннера. Потом достал спрятанный на груди мешочек и отсчитал деньги.

— Нынче все наперекосяк! Черт побери!

Штайнбреннер сунул деньги в карман.

— По-моему, это Райке, — сказал Гребер.

— Что?

— Лейтенант Райке из нашей роты. Его погоны. А на правом указательном пальце недостает верхней фаланги.

— Чепуха. Райке был ранен, его вынесли. Так мы после слышали.

— Это Райке.

— Откопайте лицо.

Гребер и Хиршман копали дальше.

— Осторожно! — крикнул Мюкке. — Голову не задевайте лопатами.

Из снега проступило лицо. Мокрое и какое-то странное, с глазницами, еще полными снега, будто скульптор не вполне доделал маску, оставил ее слепой. Меж синими губами поблескивал золотой зуб.

— Я его не узнаю, — сказал Мюкке.

— Наверняка он. Других офицеров мы здесь не теряли.

— Протрите ему глаза.

Гребер секунду помедлил. Потом рукавицей осторожно смахнул снег:

— Да, это он.

Мюкке заволновался. И теперь стал командовать сам. Офицер, решил он, а значит, командовать должен старший по званию.

— Поднимайте! Хиршман и Зауэр — за ноги, Штайнбреннер и Бернинг — за руки. Гребер, следите за головой! Ну, все вместе: раз, два, взяли!

Тело шевельнулось.

— Еще разок! Раз, два, взяли!

Труп опять шевельнулся. Глухой вздох вырвался из под него, из снега, когда туда проник воздух.

— Господин фельдфебель, нога отваливается, — крикнул Хиршман.

Нога в сапоге провисла. Плоть внутри сгнила из-за талой воды и уступила.

— Опустите! Ниже! — крикнул Мюкке. Но было уже поздно. Тело сползло наземь, в руках у Хиршмана остался сапог.

— Нога там? — спросил Иммерман.

— Отставьте сапог и копайте дальше! — гаркнул Мюкке Хиршману. — Кто мог знать, что он уже этак размяк! А вы, Иммерман, успокойтесь. Имейте уважение к смерти!

Иммерман озадаченно посмотрел на Мюкке, но промолчал. Через несколько минут они раскидали весь снег вокруг мертвеца. В мокром френче нашли бумажник с документами. Чернила расплылись, но прочитать можно. Гребер оказался прав; это был лейтенант Райке, который осенью служил у них в роте взводным.

— Надо немедленно доложить, — сказал Мюкке. — Оставайтесь здесь! Я сейчас вернусь.

Фельдфебель зашагал к дому, где жил ротный. Единственному мало-мальски целому. До революции он, вероятно, принадлежал попу. Раз сидел в большой комнате. Мюкке с ненавистью глядел на широкую русскую

печь, в которой горел огонь. На лежанке спала лейтенантова овчарка. Мюкке доложил о случившемся, и Раэ пошел с ним к церкви. Минуту-другую смотрел на Райке. Потом сказал:

— Закройте ему глаза.

— Нельзя, господин лейтенант, — возразил Гребер. — Веки уже чересчур размякли. Порвутся.

Раэ перевел взгляд на разбитую церковь:

— Отнесите его пока что туда. Гроб у нас есть?

— Гробы остались в тылу, — сообщил Мюкке. — У нас было несколько штук для особых случаев. Они достались русским. Надеюсь, пригодятся им.

Штайнбрэннер хохотнул. Раэ не засмеялся.

— Можем сколотить гроб?

— Слишком много времени потребуется, господин лейтенант, — сказал Гребер. — Тело чересчур размякло. Да и подходящие доски в деревне вряд ли найдутся.

Раэ кивнул.

— Положите его на плащ-палатку. В ней и похороним. Выройте могилу и сколотите крест.

Гребер, Зауэр, Иммерман и Бернинг понесли обмякшее тело к церкви. Хиршман нерешительно пошел следом, с сапогом, в котором были остатки ноги.

— Фельдфебель Мюкке! — сказал Раэ.

— Господин лейтенант!

— Сегодня сюда доставят четверых пленных русских партизан. Завтра утром они будут расстреляны. Наша рота получила соответствующий приказ. Опросите взвод, есть ли добровольцы. Иначе людей назначит канцелярия.

— Слушаюсь, господин лейтенант!

— Одному богу известно, почему именно мы! Хотя при нынешней неразберихе...

— Я доброволец, — сказал Штайнбрэннер.

— Хорошо. — Лицо Раэ не дрогнуло. По расчищенной в снегу дорожке он зашагал обратно.

Обратно к своей печке, подумал Мюкке. Слабак! Что уж тут особенного — расстрелять нескольких партизан? Будто они не уколошили сотни наших парней!

— Если русских доставят вовремя, пускай они заодно и для Райке могилу выроют, — сказал Штайнбрэннер. — Тогда нам не придется пуп надрывать. Одно к одному. Верно, господин фельдфебель?

— Да как хотите! — Мюкке разозлился. Ишь, умник выискался, думал он. Тощий дылда, каланча в роговых очках. Лейтенант еще с той, первой войны. На этой в звании так и не повышен. Храбрый, конечно, ну а кто не храбрый? Но по натуре не командир.

— Какого вы мнения о Раэ? — спросил он у Штайнбрэннера.

Тот недоуменно воззрился на него:

— Он же наш ротный, так?

— Ясное дело. Но вообще?

— Вообще? В каком смысле «вообще»?

— Ни в каком, — буркнул Мюкке.

— Достаточно глубоко? — спросил старший из русских, мужчина лет семидесяти, с грязными седыми усами и очень синими глазами. Он кое-как говорил по-немецки.

— Заткнись, говорить будешь, только когда спросят, — отрезал Штайнбрэннер. Он здорово оживился. Глаза его следили за женщиной, которая была среди партизан. Молодая, крепкая.

— Надо поглубже, — сказал Гребер. Вместе со Штайнбрэннером и Зауэром он охранял пленных.

— Для нас? — спросил русский.

Штайнбрэннер быстро и легко подскочил к нему, с размаху хлестнул ладонью по щеке.